

Чтение произведений А. С. Пушкина и И. С. Тургенева
в сюжете *герой на rendez-vous*
(беллетристика конца 1850 – начала 1860-х годов)

А. А. Пономарева

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Статья посвящена исследованию сюжета *герой на rendez-vous*, частотному в русской литературе середины XIX в. Акцент сделан на том, какую функцию выполняют произведения А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и И. С. Тургенева «Рудин», «Ася» в формировании его структуры и семантики. Основным материалом послужили повести, в которых разворачивается ситуация чтения и обсуждения произведений А. С. Пушкина и И. С. Тургенева: А. Я. Марченко «Тени прошлого» (1850), Л. Ф. де Роберти «Гурин» (1861) и А. Г. Витковского «Аринушка» (1862). В исследовании показано, что в литературе середины XIX в. сюжет *герой на rendez-vous* проходит две фазы развития. В первой половине 1850-х гг. под влиянием пушкинского романа в стихах формируется устойчивая сюжетная схема: герой приезжает в поместье и знакомится с героиней; героиня влюбляется в него и признается в любви; герой, узнав о ее чувствах, отвергает признание. На основе этой сюжетной схемы раскрывается один из магистральных любовно-психологических конфликтов 1850-х гг.: герой оказывается неспособным взять на себя ответственность за возлюбленную

Пономарева А. А. Чтение произведений А. С. Пушкина и И. С. Тургенева в сюжете *герой на rendez-vous* (беллетристика конца 1850 – начала 1860-х годов) // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 40–53.

и в решительный момент отступает. Ко второй половине 1850-х гг. этот сюжет «заштамповывается». Одним из способов его актуализации становится модификация аллюзивного спектра отдельных входящих в него сюжетных ситуаций. О смене литературного источника свидетельствует круг чтения героев. В конце 1850-х гг. вместо романа в стихах герои читают «Рудина» и «Асю». Изменение «онегинского» фона на тургеневский обеспечивает сюжетной комбинации дополнительный сюжетогенный потенциал, позволяет нарушить «камерность» ее семантического плана.

Ключевые слова: сюжет, герой на rendez-vous, вторичная семантизация сюжета, 1850-е годы, беллетристика, рецепция сюжета.

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-40-53

Контактная информация: Пономарева Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru)

Сюжет *герой на rendez-vous*¹ является частотным в русской литературе XIX в. Его используют писатели различных периодов и уровня дарования: от И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, А. П. Чехова до П. Сумарокова, С. В. Энгельгардт, Л. Ф. де Роберти и многих других. На его основе развивается социальная, любовная и философская проблематика, определяющая специфику русского литературного процесса того или иного периода. В нашей статье проанализирован вариант сюжета *герой на rendez-vous*, сформировавшийся в середине XIX в. Акцент сделан на том, какую функцию выполняют произведения А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и И. С. Тургенева «Рудин», «Ася» в его формировании.

Сюжет *герой на rendez-vous* уже неоднократно становился предметом исследований: рассматривались его типологические свойства, «авторские» версии и генезис². Несмотря на обилие научных работ, нельзя сказать, что

¹ В литературоведении существуют различные подходы к определению интересующего нас сюжета: его рассматривают как мотив [Шестакова, 2013; 2017], сюжетную ситуацию [Ермоленко, Валек, 2012] и сюжет [Чавдарова, 2015]. Мы придерживаемся последнего подхода: в литературе середины XIX в. любовное свидание героев формирует устойчивую, часто воспроизводимую сюжетную комбинацию. Основные тематические варианты рассматриваемого сюжета представлены в указателе фабульных схем русской классической литературы, составленном Т. И. Печерской и Е. К. Никаноровой [2010, с. 118–119].

² Укажем лишь некоторые исследования Э. Г. Шестаковой, в которых приведен обширный перечень работ о сюжете (в терминологии исследовательницы – мотиве) *герой на rendez-vous* [Шестакова, 2013; 2017].

он проанализирован всесторонне. Аспект, связанный с влиянием «вершинных» произведений на формирование его структуры и семантики в литературе середины XIX в., изучен недостаточно. Чаще всего к этой теме обращаются в рамках исследования тургеневских произведений без систематического учета беллетристического фона. Между тем обращение к нему позволяет выявить такие нюансы в литературной жизни сюжета, которые не могут быть замечены при изучении исключительно «тургеневских» версий.

Материалом исследования³ послужили повести, в которых в рамках сюжета *герой на rendez-vous* разворачивается ситуация чтения и обсуждения произведений А. С. Пушкина и И. С. Тургенева: повести А. Я. Марченко «Тени прошлого» («Отечественные записки», 1850), Л. Ф. де Роберти «Гурин» («Русский вестник», 1861) и А. Г. Витковского «Аринушка» («Русское слово», 1862).

На основе рассматриваемого сюжета раскрывается один из магистральных любовно-психологических конфликтов 1850-х гг.: герой оказывается неспособным взять на себя ответственность за возлюбленную и в решительный момент отступает. На *rendez-vous* полно и емко раскрывается суть современных характеров: безволие, неспособность к решительным действиям, склонность к рефлексии героя⁴ и, напротив, решительность, эмансипированность и внутренняя «цельность» героини. Важным элементом сюжетной ситуации становится исповедь нравственно слабого героя. Он старается найти объяснение своей нерешительности. Виновным в его несостоятельности оказывается время. К примеру, герой повести И. И. Па-

³ Отсылки к «Евгению Онегину» обнаруживаются в целом ряде произведений середины XIX в. Назовем некоторые из них: повести А. Я. Панаевой «Пасека» (1849), «Русские в Италии» (1858), Е. П. Майковой «Женщина» (1850), А. Я. Марченко «Тени прошлого» (1850), «Вокруг да около» (1855), С. П. Колошина «Ваш старый знакомый» (1850), П. Сумарокова «Лицо и изнанка» (1850), М. Н. Лонгинова «Широкая натура» (1851), произведения М. В. Авдеева «Тамарин» (1852), «Порядочный человек» (1855), повести Е. Тур «Долг» (1850), «Две сестры» (1851), «Заколдованный круг» (1854), Е. И. Вельтман «Виктор» (1853), С. В. Энгельгардт «Деревня» (1853), «Утро вечера мудренее» (1853), Е. А. Ладыженской «Неудавшаяся жизнь» (1857) и др. К произведениям И. С. Тургенева как к ориентиру в разработке сюжета *герой на rendez-vous* в середине XIX в. обращаются, безусловно, реже, уже после публикации «Рудина» и «Аси». Можно указать повести А. Н. Плещеева «Человек с направлением» (1856), Л. Ф. де Роберти «Гурин» (1861) и А. Г. Витковского «Аринушка» (1862).

⁴ Герой, обладающий указанными чертами характера, относится к литературному типу «слабого героя», частотному в середине XIX в., однако прочно не закрепившемуся в истории русской литературы, о чем свидетельствует то, что он чаще всего не «разделяется» с героем 1840-х гг. – «лишним человеком». О его психологических свойствах и сюжетном поведении см.: [Фаустов, Савинов, 1998; Пономарева, 2017].

наева «Родственники» (1847), объясняя причины отъезда в решительный момент жизни влюбленной в него героини, делает акцент на том, что он принадлежит «дряблему поколению», которое «заклеймено печатью отвержения» [Панаев, 1912, с. 465–466]. Мотивировка отказа от героини, представленная в повести И. И. Панаева, в середине XIX в. становится общим местом. Причем уже современники обратили внимание на смысловую ограниченность действий героя.

В 1850-е гг. герои, поставленные в рассматриваемую сюжетную комбинацию, довольно часто оказываются читателями «Евгения Онегина»: роман в стихах может только упоминаться в круге чтения, могут фигурировать отдельные цитаты из него в речи героев, может разворачиваться ситуация его чтения и обсуждения. Характерный в этом отношении пример – повесть А. Я. Марченко «Тени прошлого». Березов, герой повести, разочарованный молодой человек, скрывается от большого света в деревне под Одессой. Томясь от безделья, он осматривает дом и случайно обнаруживает запылившийся роман в стихах А. С. Пушкина, открытый на его любимом фрагменте: «Блажен, кто смолоду был молод <...>» [Пушкин, 1950, с. 169]. В рассматриваемом случае чтение пушкинского романа в стихах подводит своего рода итог воспоминаниям героя о ранних разочарованиях. Дальнейшее развитие сюжета можно рассматривать как структурное цитирование «Евгения Онегина». Его составляет та же комбинация сюжетных ситуаций, что и в прямо названном литературном источнике: герой приезжает в поместье и знакомится с героиней (дочкой управляющего); героиня влюбляется в него и признается в любви; герой, узнав о ее чувствах, отвергает признание; после решительного объяснения он уезжает, а героиня выходит замуж; через некоторое время герой встречается с отвергнутой им героиней. Однако при беллетристической «обработке» происходит заполнение причинно-следственных пустот исходных звеньев: отъезд героя здесь прямо связывается с объяснением, что усиливает тот факт, что герой струсил перед героиней; свадьба также представляется следствием неудачного объяснения: она свидетельствует о глубокой разочарованности отвергнутой девушки.

Сюжетная комбинация, устойчиво соотношенная с пушкинским романом в стихах, уже в начале 1850-х гг. превращается в сюжетное клише, обладающее низким уровнем вариативности и ограниченными комбинаторными возможностями. Одним из способов ее актуализации становится модификация аллюзивного спектра отдельных входящих в нее сюжетных ситуаций. О перемене литературного источника свидетельствует изменение круга чтения героев. В начале 1860-х гг. вместо романа в стихах А. С. Пушкина герои читают «Рудина» и «Асю» И. С. Тургенева. Причины, по которым происходит такого рода замещение, различны. Основная заключается в злободневности тематического плана тургеневских произведений. Как известно, современники неоднократно делали акцент на том,

что «Рудин» и «Ася», – «дети своего времени» [Дружинин, 1857, с. 37]. Н. Г. Чернышевский в известной статье о повести «Ася» отмечал, что представленная история – общее место современной беллетристической литературы:

Подобных примеров набрать можно было бы очень много. Повсюду, каков бы ни был характер поэта, каковы бы ни были его личные понятия о поступках своего героя, герой действует одинаково со всеми другими порядочными людьми, подобно ему выведенными у других поэтов [Чернышевский, 1950, с. 160].

И. С. Тургенев, таким образом, представляется в этом случае писателем, который удачнее, чем современники, изобразил популярный литературный тип и связанные с ним положения.

В беллетристических сюжетах обыгрывается злободневность произведений И. С. Тургенева. В качестве примера рассмотрим повесть Л. Ф. де Роберти «Гурин». Сразу следует оговорить, что в ней нарушена взаимосвязь между разбираемой сюжетной комбинацией и пространством: события, традиционно связанные с усадьбой, происходят за границей. Так, герой повести, разыгрывая роль практичного мужчины, пытается заключить за границей выгодный брак с русской «капитальной» барышней, но неожиданно для себя влюбляется в сестру знакомого, профессора-химика. Ее расположение он хочет завоевать во время совместного чтения вслух. В центре их внимания оказываются «Обломов» и «Рудин». Эти произведения выполняют различные функции в сюжетных линиях героя и героини.

Роман И. А. Гончарова выбирается Гуриным. Герой обращается к нему по разным причинам. В первую очередь он усматривает некоторое сходство между собой, практичным современным человеком, каким он себя позиционирует на протяжении всей истории, и Штольцем. Однако герой И. А. Гончарова кажется ему намного мельче и непрактичнее, чем он сам. Примечательны причины, по которым Штольц вызывает у него неодобрение. С этой точки зрения интерес представляет первый разговор знакомых в гостинице. Учинив осмотр внешности друга, Гурин удивленно восклицает:

Давыд!.. Что это у тебя? Редь-то какая на маковке <...>. Это, брат, непрактично! Зачем ты их не стрижешь в сроки, как я, например? <...> Да ведь вот эти складочки у глаз лучеобразные <...> улыбаешься как обыкновенно, то есть попросту, непрактично, значит... [Роберти, 1861, с. 152]

Рассуждение о невыгодах внешности знакомого герой неожиданно для слушателя переводит на Штольца:

Вот этой-то именно важной житейско-практической стороны и не доставало в практичности Штольца <...> Оттого-то он отчасти и не живой! <...> Штолец вот также и гимнастики не делал: опять недостаток; понятно, что и выглядел гадко. Я, например, каждый день три раза по десяти минут в назначенное время занимаюсь гимнастикой [Роберти, 1861, с. 153].

В житейско-практической проекции интерпретируется и сюжетное поведение Штольца: Гурин разворачивает свою тактику в завоевании сначала «капитальной» барышни, а затем сестры знакомого, словно соперничая в практичности с героем И. А. Гончарова. Потерпев одну любовную неудачу, он замечает, что вовремя одумался, в отличие от предшественника:

У того молодчика Штольца «очередь чувства» пришла да за ним и осталась навсегда; у меня пришла да живо ушла! [Там же, с. 230]

Благодаря введению интерпретации героя И. А. Гончарова в рассматриваемом случае раскрывается несостоятельность Гурина как практичного, рационального человека.

Также Гурин берется читать с возлюбленной роман И. А. Гончарова в надежде на то, что отдельные эпизоды, касающиеся отношений Обломова, Ольги и Штольца, ускорят развитие его собственной любовной истории. В сфере героев литературный сюжет сводится к популярной клишированной версии, аллюзивно соотнесенной с произведениями Ж. Санд. Соотнесенность с ними достигается путем редукции и перекомпоновки исходного сюжета и введением соответствующих комментариев Гурина: сначала он читает о записке Ольги, замечая, что этот поступок «благородно смело», затем о посещении Ольгой Обломова на его квартире, попутно отмечая, что это «сугубо уместно», переходит к первым отношениям героев, читает эпизод с веткой сирени, потом «о люблю, люблю, люблю!» и заканчивает эпизодом, в котором Обломов «говорит о пути, на котором женщина гибнет и все любит, и где потом Ольга кладет ему руку на плечо, долго глядит на него и вдруг, быстро обвив его шею руками, целует и прижимает лицо к его груди» [Там же, с. 223–224]. Однако намеченный по литературной канве возможный вариант развития любовной истории не реализуется: в первую очередь это можно объяснить тем, что актантные позиции заполняются в рассматриваемой повести не вполне соответствующими персонажами, в частности, героиня не включается в игру героя, сознательно не принимает активную роль, отведенную ей литературным сценарием.

Конструктивным материалом, из которого формируется характер практичного героя и его сюжетная линия, оказывается тот, который был растражирован в беллетристике в связи с другим, противопоставленным ему литературным типом – нравственно слабым героем. Его образцом здесь называется Рудин. В беллетристической интерпретации характерология

тургеневского героя редуцируется: актуализируется только одно свойство – болтливость. Примечательно, что героиня с помощью произведения И. С. Тургенева хочет изменить возлюбленного:

...увлекаясь, Гурин заговорит по-прежнему, хвастаясь фразами, пока Наташа не остановит его. Она возьмет книжку, переберет несколько страниц и укажет Гурину на одно, подчеркнутое ее недавно место. Тот бросится, да и прочтет слова Лежнева о Рудине: «красно говорить простительно юноше, а в его года стыдно тешиться шумом собственных речей, стыдно рисоваться...» [Роберти, 1861, с. 221].

Гурин, как и Рудин в повести, представляется образцом современного «говоруна» (слова Вл. Зотова о тургеневском герое [С.-Петербургские ведомости, 1856]), который прикрывает мелкие поступки громкой фразой. Его характер полностью умещается в заданную литературную рамку.

Акцентирование взаимосвязи Гурина с Рудиным (даже на уровне фамилии) задает определенный сюжетный прогноз. В повествовании «нагнетается» связь с тургеневской историей, герои рефлексиируют по поводу сходства личных положений и литературных. В частности, старший брат героини, также воспринимающий знакомого в свете «Рудина», расстраивает отношения влюбленных, так как предугадывает печальное разрешение: то, что герой в решительный момент покинет девушку, объяснив это ее превосходством и своей несостоятельностью. Таким образом, в рассматриваемом случае событийный потенциал отвергнутого свидания нейтрализуется не полностью: ожидаемый сюжетный поворот переходит в вероятностную плоскость, реализованной оказывается сюжетная возможность, которая традиционно редуцировалась в беллетристических сюжетах 1850-х гг.: героиня делает правильный выбор – она отвергает признание нравственно слабого героя и связывает свою жизнь с «новым человеком».

Несмотря на то что произведения И. С. Тургенева расцениваются в середине XIX в. по большей части как образцы современной беллетристики (т. е. при восприятии акцент делается на том общем, что не выделяет их из всей беллетристической «массы»), писатели-современники вольно или невольно улавливают те смещения, которые происходят внутри растратированной сюжетной модели (*герой на rendez-vous*) при тургеневской разработке. Одно из таких новообразований, замеченных и перенятых ими, – мотив возможного, но упущенного счастья, традиционно редуцированный в беллетристических сюжетах 1850-х гг. По всей видимости, актуализация этого мотива происходит не без влияния критики. Наиболее полно эта тенденция проявляется в повести А. Г. Витковского «Ари-нушка».

Фабула рассматриваемой повести проста: героиня, дочь обедневшего дворянина, под влиянием обстоятельств выходит замуж за состоятельного благодетеля семьи; вскоре она разочаровывается в браке и начинает искать

уединения; с разрешения мужа она уезжает в деревню; там героиня встречает родственника мужа, влюбляется в него и признается ему в своих чувствах; мужчина, отвечая взаимностью, все же отвергает ее. Разрешение любовной коллизии в этом случае драматично: женщина возвращается к мужу, а герой, отвергший ее, осознает, что упустил свое счастье, и кончает с собой. В контексте рассматриваемой темы нас интересует один эпизод повести: чтение «Аси», предшествующее роковому признанию героини.

Закономерно, что в центре внимания героев А. Г. Витковского, тайно влюбленных друг в друга, оказывается объяснение Аси и господина Н. Н. Аринушка, в духе своего времени, осуждает поступок тургеневского героя:

Разве это человек? Какой это человек... ведь это значит не иметь никакого чувства, никакой души. Девушка пришла на свидание, отдалась ему, а он – что ж он? рассуждает, как назвать это свидание, черным или белым <...> он трус без сердца, не решившийся на злодейство из приличия потому только, что за это злодейство пострадать можно, он хуже всякого злодея, расчетливее его, он убивает в полном уме, в рассудке, взвешивает выгоды и недостатки преступления; такого человека я бы возненавидела! <...> Счастье-то человеку в руки давалось, насильно лезло к нему, да человек-то был тряпкой, формы его испугался, растрепаться боялся, а потом бросился ловить его! На свете и все так! много тряпок, много! [Витковский, 1862, с. 31–32]

То, каким образом интерпретируется здесь герой, отвергший признание, представляет интерес. Чаще всего в беллетристике 1850-х гг. отвергнутые героини используют «сглаженные» характеристики. Например, в повести А. Я. Марченко «Тени прошлого» покинутая возлюбленная во время рокового объяснения думает, что герой «неудачно набрасывает мантию добросовестности на свою мелочность» [Марченко, 1850, с. 42]. Тряпка, трус, злодей – все эти характеристики принадлежат словарю литературной критики. В качестве примера приведем несколько формул, аналогичных по смыслу и экспрессивности, которые используются для описания нравственно слабого героя в статьях и рецензиях: ничтожный человек, «тряпка, которую оттолкнуть ногою не стоит ни малейшего труда» [Чернышевский, 1854, с. 9], «баба», «школьник» [Дружинин, 1852, с. 77], «жалкое, слабенькое созданыще» [Тур, 1854, с. 6] и др.

Влияние литературной критики на «разработку» этого эпизода проявляется также в том, каким образом расставляются смысловые акценты в интерпретации героини. В центре внимания оказывается мотив упущенного счастья. Можно предположить, что в этом случае он актуализируется под влиянием статьи Н. Г. Чернышевского. По нашим наблюдениям, в ней, в одной из первых, вычитываются не только хорошо известные сюжетные элементы, растиражированные в современной беллетристике, но и то но-

вое, что появляется в повести И. С. Тургенева. В частности, в статье Н. Г. Чернышевского нарушаются установившиеся семантические рамки истолкования отвергнутого признания. Под конец критик выводит конфликт из сферы исключительно любовно-психологической. Отказ от любви героини расценивается им как одно из проявлений более общей ситуации, связанной с современным героем, – добровольным отказом от счастья:

Невозвратен счастливый миг. Не дожидаться вам будет, пока повторится благоприятное сочетание обстоятельств, как не повторится то соединение небесных светил, которое совпадает с настоящим часом <...>. И для вас <...> обстоятельства сложились счастливо, так счастливо, что единственно от вашей воли зависит ваша судьба в решительный миг [Чернышевский, 1950, с. 172].

Ситуация, заостренная в статье, не только прямо переносится в интерпретацию героини, но и проецируется на ее личные обстоятельства.

Герои-читатели проживают ту же историю, что и тургеневские Ася и господин Н. Н. Под влиянием прочитанного в Аринушке пробуждается решительность и страстность – все то, что было подавлено обстоятельствами и не могло проснуться без внешнего влияния. На свидании она поступает так же, как и Ася: прямо и откровенно рассказывает герою о своих чувствах. Герой, как и тургеневский господин Н. Н., теряет и отвергает признание. По его мнению, ее любовь – заблуждение, вызванное недостатком общества, страстным желанием любить. В отличие от беллетристических вариантов 1850-х гг. в этом случае добавлен новый элемент, усиливающий активную роль героини: услышав ответ возлюбленного, героиня представляет ему его собственные слова, записанные ею во время одного из первых разговоров. В этих записях говорится о том, что замужней женщине необходимо сохранить личную свободу в неудачном браке и не заглушить в себе способность чувствовать. Из-за этого элемента любовно-психологический конфликт приобретает социальные коннотации: подчеркивается, что герой не может реализовать актуальную теорию в дело.

Однако событие, соотнесенное здесь с повестью «Ася», полностью не укладывается в литературные рамки. Отказ героя от возлюбленной представляется в новом ракурсе, отличном от того, который сформировался в беллетристике 1850-х гг.: отвергнутое признание объясняется не столько слабостью героя, сколько развитым у него чувством долга. По его мнению, они не в праве преступить нравственные законы. В отличие от предшествующих вариантов здесь подчеркивается, что герои на самом деле ощущают неразрешимость того положения, в котором они оказались.

Примечательно, что рассмотренная сюжетная ситуация подвергается варьированию в повести. После расставания герои встречаются вторично, и Аринушка вспоминает, каким образом герой отверг ее признание. При

пересказе исходное событие трансформируется. В центре внимания оказывается внутреннее состояние женщины, услышавшей роковой отказ. Смена угла зрения на событие влечет за собой модификацию аллюзивного фона: вместо аллюзий на тургеневскую повесть, как в первом случае, здесь обнаруживаются аллюзии на восьмую главу «Евгения Онегина». Аринушка признается, что она испугалась оттого, что на ее признание герой откликнулся «холодным умом»:

...помню ту минуту, когда на мое чистосердечное признание, на мой смелый, безрассудный вызов, на говор моего разбитого сердца вы откликнулись вашим холодным умом, оттолкнули меня. Я помню, тогда мне страшно сделалось, мне бы легче было умереть, чем услышать ответ ваш... [Витковский, 1862, с. 46]

Характерно, что героиня А. Г. Витковского, как и пушкинская княгиня N, завершает свое воспоминание благодарностью герою, поступившему с ней честно:

Благодарю вас, вы указали мне мой долг, мою первую святую обязанность, представили весь позор моего заблуждения, научили меня дорожить этим долгом [Там же].

Таким образом, несмотря на акцентированную связь сюжетной ситуации с повестью «Ася», ее связь с пушкинским романом в стихах здесь не столько ослабляется, сколько переводится во внутренний план, уходит в область литературной памяти сюжетной комбинации.

Итак, подчеркивание связи сюжетной комбинации с прецедентным сюжетом путем введения ситуации его чтения и обсуждения, как представляется, свидетельствует не только о подражательности беллетристических произведений. В ряде воспоминаний писателей рассматриваемого времени⁵ аналогичное прямое название источника имеет другой смысл: чужое произведение расценивается как отправная точка в процессе создания собственного. Можно выдвинуть предположение о том, что такое прямое название литературного источника сюжета имеет сходную функцию. Повести А. Я. Марченко, Л. Ф. де Роберти, А. Г. Витковского – одни из первых, где формируется новая для литературы сюжетная комбинация путем преобразования прецедентной или качественно обновляется растражированная. Прямое упоминание источника выступает в таком случае сигналом не только притяжения к нему беллетристического сюжета

⁵ Один из ярких примеров – автобиография Н. С. Соханской [1896]. Писательница подробно рассказывает о том, что, принимаясь за сочинение собственного произведения, она держит в уме все то, что ей удалось прочитать в деревне, и старается подражать-отталкиваться от этого.

(в смысле его копирования), но и отталкивания от него (т. е. его переработки). Очередной новый вариант сюжета *герой на rendez-vous* формируется путем переосмысления литературных версий. Однако этот процесс генерации нового по своей природе вторичен. На начальном этапе развития фоновая связь с «Евгением Онегиным» обеспечивает сюжетной комбинации структурную и смысловую цельность. Ее дальнейшее обновление также оказывается возможным благодаря смене литературного ориентира: важную роль в этой связи играет изменение «онегинского» фона на «тургеневский». Оно обеспечивает сюжетной комбинации дополнительный сюжетогенный потенциал, позволяет нарушить камерность семантического плана и вывести проблематику за любовно-психологические рамки.

Список литературы

- Витковский А. Г.* Аринушка // Русское слово. 1862. № 1. С. 1–73, № 2. С. 1–72.
- Дружинин А. В.* Письмо Иногороднего Подписчика о русской журналистике // Библиотека для чтения. 1852. Т. 114. С. 70–92.
- Дружинин А. В.* Повести и рассказы И. Тургенева, в 3-х частях. СПб., 1856 // Библиотека для чтения. 1857. № 5. С. 1–44.
- Ермоленко С. И., Валек Н. А.* Диалог в ситуации «всеобщего обособления», или «лишний человек» «на rendez-vous» // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 203–209.
- Марченко А. Я.* Тени прошлого // Отечественные записки. 1850. Т. 70. С. 1–64.
- Панаев И. И.* Родственники // Панаев И. И. Собр. соч.: В 6 т. М.: Изд. В. М. Саблина, 1912. Т. 3: Романы и повести, 1847–1852. С. 379–470.
- Печерская Т. И., Никанорова Е. К.* Сюжеты и мотивы русской классической литературы: Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. 162 с.
- Пономарева А. А.* Литературные сюжетные коды в беллетристике 1850-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017. 196 с.
- Пушкин А. С.* Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 5. С. 9–215.
- Роберти Л. Ф. де.* Гурин // Русский вестник. 1861. Т. 34. С. 145–234. С.-Петербургские ведомости. 1856. № 52. 6 марта.
- [*Соханская Н. С.*] Автобиография Н. С. Соханской (Кохановской) / Под ред. С. И. Пономарева. М.: Университетская типография, 1896. 193 с.
- Тур Е.* Три поры жизни // Отечественные записки. 1854. Т. 94. С. 1–8.
- Фаустов А. А., Савинков С. В.* Очерки по характерологии русской литературы: середина XIX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ун-та, 1998. 156 с.

Чавдарова Д. Д. «Русский человек на rendez-vous с европейцем» в русской литературе XIX века: любовный сюжет как метонимия межкультурного диалога // Сюжетология и сюжетография. 2015. № 1. С. 27–37.

Чернышевский Н. Г. Три поры жизни, роман Евгении Тур. М., 1854 // Современник. 1854. Т. 45. С. 1–12.

Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М.: ГИХЛ, 1950. Т. 5: Статьи 1858–1859 гг. С. 156–174.

Шестакова Э. Г. «Пушкинское» и «Лермонтовское» в мотиве *русский человек на rendez-vous*: неслышанные идеи русской критики и упущенные возможности литературоведения // Уральский филологический вестник. 2013. № 2. С. 21–40.

Шестакова Э. Г. Инварианты и трансформация мотива *русский человек на rendez-vous*: от Тургенева-новеллиста к новеллистике Бунина // Уральский филологический вестник. 2017. № 3. С. 40–68.

Article metadata

Title: Reading of Writings by A. S. Pushkin and I. S. Turgenev in the Plot *Hero at a rendez-vous* (Variant of the Middle of the 19th Century)

Author: A. A. Ponomareva

Author's e-mail: anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru

Author's affiliation: Novosibirsk State Pedagogical University

Abstract. The paper presents investigation the plot hero at a rendez-vous frequency in the Russian literature of the middle of the 19th century. Accent does to function of writings by A. S. Pushkin («Eugene Onegin») and I. S. Turgenev («Rudin», «Asya») to forming of its structure and semantics.

Basic material is narrative stories with situation of reading and discussion of writings by A. S. Pushkin and I. S. Turgenev: «Shadows of the past» (1850) by A. Marchenko, «Gurin» (1861) by L. de Roberti and «Arina» (1862) by A. Witkowski.

The paper is devoted to the study of the plot “hero at a rendez-vous”, which develops at two stages in the Russian literature of the middle of the 19th century.

In the first part of 1850s the steady plot scheme were formed under the influence of the Pushkin's novel: the hero arrives to an estate and meets with the heroine; the heroine falls in love with him and makes a declaration of love; the hero rejects acknowledgement; he takes departure after explanation, the heroine gets married; after a time the hero meets with the off cast heroine. Owing to this plot scheme the main love-psychological conflict of the 1850s develops: a hero is incapable to undertake responsibility for the heroine and recedes at the decisive moment. The essence of modern characters shed light on the meeting: a weak will, indecision, reflexiveness of the hero and on the contrary resolution, emancipation, integrity of the heroine.

The plot combination associated with the Pushkin's novel in the middle of the 1850s becomes plot cliché with some level of variability and the confined possibility. The method of its actualization is modification of allusive spectrum of individual component plot situations. The change of character's reading is the evidence of change of literary source. In the first part of the 1860s heroes read «Rudin» and «Asya» instead of «Eugene Onegin». The change of Onegin's background for Turgenev's background gives this plot combination the additional productive potential. The actualization of this motive takes place under influence of literary criticism, in particular, paper «Russian at a rendez-vous» by N. G. Chernyshevsky.

In conclusion the author suggests this «open» denomination of source – writings by A. S. Pushkin and I. S. Turgenev – is signal not only attraction of fiction plot to it (i.e. copying) but also repulsion from it (i.e. «working»). Narrative stories by A. Marchenko, L. de Roberti and A. Witkowski are first which the new plot combination forms by transformation of precedential combination or qualitative change of popular combination.

Key terms: plot, hero at a rendez-vous, secondary semantization of plot, 1850s, fiction, reception of plot.

Reference literature (in transliteration):

[Sokhanskaya N. S.] Avtobiografiya N. S. Sokhanskoy (Kokhanovskoy). Ed. by S. I. Ponomarev. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1896, 193 p. (in Russ.)

Chavdarova D. D. «Russkiy chelovek na rendez-vous s evropeytssem» v russkoy literature 19 veka: lyubovnyi syuzhet kak metonomiya mezhdunarodnogo dialoga. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*, 2015, no. 1, p. 27–37. (in Russ.)

Chernyshevskiy N. G. Russkiy chelovek na rendez-vous. In: Chernyshevskiy N. G. Polnoe sobranie sochineniy. In 15 vols. Moscow, GIKhL, 1950, vol. 5: Statii 1858–1859, p. 156–174. (in Russ.)

Chernyshevskiy N. G. Tri pory zhizni, roman Evgenii Tur. Moscow, 1854. *Sovremennik*, 1854, vol. 45, p. 1–12. (in Russ.)

Druzhinin A. V. Pis'mo Inogorodnego Podpischika o russkoy zhurnalistike. *Biblioteka dlya chteniya*, 1852, vol. 114, p. 70–92. (in Russ.)

Druzhinin A. V. Povesti i rasskazy I. Turgeneva, v 3-kh chastyakh. St. Petersburg, 1856. *Biblioteka dlya chteniya*, 1857, no. 5, p. 1–44. (in Russ.)

Ermalenko S. I., Valek N. A. Dialog v situatsii «vseobshchego obosobleniya», ili «lishniy chelovek» «na rendez-vous». *Politicheskaya lingvistika*, 2012, no. 2 (40), p. 203–209. (in Russ.)

Faustov A. A., Savinkov S. V. Ocherki po kharakterologii russkoy literatury: seredina 19 veka. Voronezh, VSPU Publ., 1998, 156 p. (in Russ.)

Marchenko A. Ya. Teni proshlogo. *Otechestvennye zapiski*, 1850, vol. 70, p. 1–64. (in Russ.)

Panaev I. I. Rodstvenniki. In: Panaev I. I. *Sobranie sochineniy*. In 6 vols. Moscow, V. M. Sablina Publ., 1912, vol. 3: *Romany i povesti, 1847–1852*, p. 379–470. (in Russ.)

Pecherskaya N. I., Nikanorova E. K. *Syuzhety i motivy russkoy klassicheskoy literatury*. Novosibirsk, NSPU Publ., 2010, 162 p. (in Russ.)

Ponomareva A. A. *Literaturnye syuzhetnye kody v belletristike 1850-kh godov*. Cand. diss. of Philology. Novosibirsk, 2017, 196 p. (in Russ.)

Pushkin A. S. Evgeniy Onegin. In: Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy*. In 10 vols. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950, vol. 5, p. 9–215. (in Russ.)

Roberti L. F. de. Gurin. *Russkiy vestnik*, 1861, vol. 34, p. 145–234. (in Russ.)

S.-Peterburgskie vedomosti, 1856, no. 52, March 6. (in Russ.)

Shestakova E. G. «Pushkinskoe» и «lermontovskoe» v motive russkiy chelovek na rendez-vous: neuslyshannye idei russkoy kritiki i upushchennye vozmozhnosti literaturovedeniya. *Uralskiy filologicheskiy vestnik*, 2013, no. 2, p. 21–40. (in Russ.)

Shestakova E. G. Invarianty i transformatsiya motiva russkiy chelovek na rendez-vous: ot Turgeneva-novellista k novellistike Bunina. *Uralskiy filologicheskiy vestnik*, 2017, no. 3, p. 40–68. (in Russ.)

Tur E. Nri pory zhizni. *Otechestvennyye zapiski*, 1854, vol. 94, p. 1–8. (in Russ.)

Vitkovsky A. G. Arinushka. *Russkoe slovo*, 1862, no. 1, p. 1–73; no. 2, p. 1–72. (in Russ.)